

УДК 316.001

DOI: 10.34670/AR.2026.46.76.013

Теория тоталитаризма как методологическая программа и идеологический конструкт

Шетулова Елена Дмитриевна

Доктор философских наук, профессор,
кафедра методологии, истории и философии науки,
Нижегородский государственный
технический университет им. Р.Е. Алексеева,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Минина, 24;
e-mail: shetulowa@yandex.ru

Заладина Марина Владимировна

Кандидат философских наук, доцент,
Нижегородский государственный
технический университет им. Р.Е. Алексеева,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Минина, 24;
e-mail: marina.zaladina@yandex.ru

Маркова Татьяна Владиславовна

Кандидат философских наук, доцент,
Нижегородский государственный
технический университет им. Р.Е. Алексеева,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Минина, 24;
e-mail: tat.markova2011@yandex.ru

Аннотация

В статье проводится анализ тоталитаризма в историческом и теоретическом смыслах. В историческом плане исследуется процесс развития Италии, Германии и Советского Союза как тоталитарных государств в 1920–1940 годах XX столетия. Раскрываются признаки тоталитарного общества-государства и их связь с ключевой проблемой современности – проблемой свободы личности. В теоретическом плане рассматриваются методологические основания, границы теории тоталитаризма и возможности её применения к современной социальной и политической реальности.

Для цитирования в научных исследованиях

Шетулова Е.Д., Заладина М.В., Маркова Т.В. Теория тоталитаризма как методологическая программа и идеологический конструкт // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2026. Том 15. № 1А. С. 156-163. DOI: 10.34670/AR.2026.46.76.013

Ключевые слова

Методология социального исследования, идеология, тоталитаризм, либерализм, фашизм, коммунизм, формация, государственный контроль, исторический анализ.

Введение

Начиная с периода перестройки в 80-е – 90-е гг. XX века, в качестве инструмента анализа общественно-исторического процесса в нашей стране начала использоваться теория тоталитаризма, первоначально сформулированная в западном дискурсе. Прежде всего, в известной работе Х. Арендт «Истоки тоталитаризма» [Арендт, 1996]. В ней, как известно, автор опиралась на немецкий материал времён фашистской диктатуры, затем механически перенесла ряд черт нацистского государства на Советский Союз. Причём в дальнейшем теория прошла определённую эволюцию в работах Ф. фон Хайека, К. Поппера и других [Клименко, Седов, Потапов, 2021].

Актуальность исследования тоталитаризма сегодня обусловлена рядом происходящих в мире процессов. Во-первых, социальное и политическое развитие мира свидетельствует в пользу кризиса глобализма, что обуславливает рост поддержки правых партий и националистических настроений среди населения, что автоматически сужает приоритет демократических институтов. Это усугубляется неоднозначными изменениями «левой идеи» и постепенной деформацией либерального политического дискурса [Пономарев, 2022, 114]. Во-вторых, современное научно-технологическое развитие в качестве одной из перспектив имеет возможный целостный контроль над человеком, ограничивающим его свободу и права.

Этот «глобальный» аспект актуальности дополняется «локальным». Ибо применение теории тоталитаризма к изучению истории нашей страны имело ряд следствий, основным из которых стало создание своеобразного фундамента для дискредитации СССР. Частным случаем этой дискредитации является уравнивание фашистской Германии и сталинского СССР в развязывании Второй мировой войны, которая якобы была войной тоталитарных и демократических государств. Соответственно годовщина Великой Победы в очередной раз инициирует обращение к данному вопросу.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении теории тоталитаризма как специфической методологической программы и одновременно идеологического конструкта. Цель конкретизируется задачами исследования. Во-первых, рассмотреть сущность теории тоталитаризма, определить её границы, а также возможности применения к анализу социальной и политической реальностей. Во-вторых, провести сравнительный анализ развития Италии, Германии и СССР 1920-х – 1940-х годов XX века на наличие или отсутствие дублирующих черт существовавших в них политических систем.

Понятие «тоталитаризм»: возможности и границы применения в социальной науке

Принято, что авторство термина «тоталитаризм» приписывается лидеру итальянских фашистов Б. Муссолини, который в своей речи определил его, как: «...все в государстве, ничего вне государства, ничего против государства» [Ярцева, 1989, 44].

Так какие же признаки тоталитаризма выделяют исследователи? Обратимся к классикам вопроса К. Фридриху и З. Бжезинскому. В своей работе «Тоталитарная диктатура и автократия» они отмечают следующие черты тоталитарного режима:

- наличие единственной политической партии с собственной идеологией, возглавляемой харизматичным лидером;
- государственная монопольная идеология, в рамках которой регулируются практически

- все общественно важные отношения;
- полная монополия и контроль над средствами массовой информации, деятельность которых строго регламентируется и контролируется партийными функционерами;
  - монополия на все средства вооружённой борьбы;
  - политический террор в отношении «внутренних врагов»;
  - плановая директивная экономика государства [Friedrich, Brzezinski, 1956, www].

Отталкиваясь от этих признаков, к тоталитарным государствам относят фашистскую Италию, нацистскую Германию, сталинский Советский Союз. Насколько это правомерно, коснёмся несколько ниже, сейчас остановимся на позитивной значимости теории тоталитаризма для социальной науки, при учёте и понимании того, что понятие «тоталитаризм» есть существенная часть политической риторики условно либерального плана.

Во-первых, теория тоталитаризма, по возможности освобождённая от идеологических коннотаций XX столетия, позволяет рассматривать достаточно значимые политико-экономические и социально-философские проблемы, такие как соотношение государства и общества, государства и личности, государства и экономики, политики и экономики. И как любое, выдвинутое или по-новому обоснованное концептуальное решение определённой проблемы, оно обозначает некоторые моменты и ракурсы, которые раньше не рассматривались и по этой причине им не придали значения из-за их закрытости чем-то другим.

Во-вторых, данная теория даёт исследователям базу для анализа теоретических постулатов, при помощи которых создавалась политическая реальность. Действительно, эти возможности и перспективы могут быть реализованы при проведении анализа с помощью теории тоталитаризма.

В-третьих, поскольку в современной науке тоталитаризм перестал восприниматься в качестве противоположности демократии и либеральному капитализму, постольку как само понятие, так и основные теоретические постулаты правомерно распространяются на корпоративный капитализм, в котором находит выражение информационное и цифровое отчуждение [Сташис, 2020, 31].

Но есть и ряд ограничений. Первое и самое существенное – тоталитаризм как термин недостаточно сформирован и прояснён, и это существенная проблема для исследователей [Фистик, 2017, 475]. Отсюда данный термин можно интерпретировать предельно широко, до утраты какой-либо конкретики. И, если основываться на принципе историзма, термин «тоталитаризм» достаточно абстрактен. Элементы, характерные для тоталитарных систем, прослеживаются уже в древних деспотиях Ближнего Востока — таких как Древний Египет, Персия и Ассирия. Аналогичные тенденции проявляются и в поздней античности, особенно в период трансформации Римской империи в централизованное, репрессивное государство, чья политика становилась всё более враждебной по отношению к различным классам и социальным слоям общества. В этот исторический этап бюрократический аппарат Рима приобретает черты всеохватывающей и жёсткой регуляции, что приводит к утрате внутренних механизмов саморазвития и динамической адаптации.

Государственные образования средневековой Европы в определённой мере могут рассматриваться как обладающие чертами, сходными с тоталитарными, прежде всего за счёт глубокой религиозной идеологизации всех аспектов общественной жизни — характерной особенностью эпохи господства средневекового христианства. Схожие тенденции наблюдаются также в структуре и практиках церковных институтов, в частности Римско-католической церкви, а также в некоторых течениях исламской традиции, где религиозная доктрина нередко

выполняет функцию всеобъемлющей нормативной системы. Наиболее радикальные формы такого контроля проявлялись в сектантских движениях, сочетающих догматическую нетерпимость с практиками насилия и террора, направленными на устранение инакомыслия и укрепление внутренней дисциплины.

Ряд политических систем представлены и в Новое время, когда проявляются черты, условно сопоставимые с теми, что позднее будут обозначаться как «тоталитарные». К таковым можно причислить как азиатские империи (Османскую и Цинскую), так и европейские монархические режимы: абсолютистскую Францию при Людовике XIV, Российскую империю в период реформ Петра I, Габсбургскую Австрию, а также Пруссию под властью династии Гогенцоллернов. Однако подобные аналогии требуют осторожного обращения с терминологией. Как показывает историко-философский анализ, понятия «тоталитаризм» и «демократизм», будучи абстрактными и идеальными, зачастую не способны адекватно отразить историческую специфику и сущность конкретных государственных формаций и обществ. Более того, их неосторожное применение рискует затуманивать подлинную природу исследуемых явлений, подменяя аналитическое понимание упрощённой классификацией. В этом смысле такие термины могут превращаться не в инструменты научного осмысления, а в пропагандистские ярлыки, отвлекающие от сложной и многомерной логики исторического развития.

Теория тоталитаризма как нарушение принципов конкретно-исторического анализа

Одним из ярких примеров отхода от конкретно-исторического анализа выступает концепция, согласно которой тоталитаризм XX века представлен двумя основными моделями — «левой» (марксистско-ленинской) и «правой» (нацистско-фашистской) [Гаджиев, 1992; Орлов, 1989, с. 97–98]. В контексте данной трактовки советское и фашистское государства рассматриваются как «проявление одного общественно-исторического феномена — тоталитаризма, и в этом имеют много общего» [Гаджиев, 1992, с. 4]. В виде таких общих элементов обычно выделяются: монополизация идеологии, ликвидация границ между государственным аппаратом и гражданским обществом, систематическое применение террора, а также всесторонний контроль над индивидуальным сознанием и поведением [Гаджиев, 1992, с. 4].

Несомненно, в контексте 1920–1940-х годов указанные государства демонстрируют ряд сходных черт — что объяснимо общими вызовами эпохи: необходимостью преодоления глубоких внутренних кризисов и одновременной мобилизацией ресурсов для подготовки к войне. Однако природа этих кризисов существенно различалась: в Италии он был обусловлен нестабильностью либерального государства и социальными конфликтами в условиях слаборазвитой индустриальной базы [Прокаччи, 2012, с. 470–474]; в Германии — последствиями поражения в Первой мировой войне, репарационным бременем и крахом веймарской демократии [Шульце, 2004, с. 149–169]; в СССР — задачами форсированной модернизации аграрного общества и укрепления социалистической государственности в условиях внешней изоляции [Недошивин, 2017]. Более того, несмотря на внешнее сходство в методах управления, эти режимы разделяли фундаментальные расхождения в идеологических основаниях, классовых целях и геополитических ориентирах — различия, носившие настолько принципиальный характер, что в конечном итоге привели их к прямому военному противостоянию.

Принципиальные различия между нацистской Германией и сталинским Советским Союзом проявлялись прежде всего на двух фундаментальных уровнях — экономическом и идеологическом.

Во-первых, общественный строй этих государств принадлежал к разным общественно-экономическим формациям, что определялось характером господствующей формы собственности. В СССР основу экономической системы составляла общественно-государственная (социалистическая) собственность на средства производства, тогда как в Третьем рейхе сохранялась частнокапиталистическая собственность, хотя и под жёстким контролем со стороны государства и подчинённая задачам милитаризации экономики.

Во-вторых, идеологические доктрины обоих режимов были принципиально несовместимы по своей онтологической и ценностной основе. Советская идеология опиралась на материалистическую философию, рационалистическое понимание истории и интернационалистские установки, направленные на преодоление национальных и классовых барьеров. Напротив, нацистская идеология базировалась на иррационалистических, мистических и биологизаторских представлениях, в центре которых находились расовая иерархия и культ нации.

Отход от принципов конкретно-исторического анализа ведёт к дополнительной методологической ошибке: стремясь преодолеть схематизм и редукционизм в описании так называемых тоталитарных режимов, сама теория нередко подменяет многомерную социальную реальность упрощённой конструкцией, возводя политическую сферу в ранг единственного системообразующего фактора. В результате такого искусственного сужения аналитического фокуса оказываются игнорированными ключевые методологические установки — системный и синергетический подходы, предполагающие учёт сложного взаимодействия экономических, социальных, культурных и идеологических структур в развитии общества.

Заключение

Анализируя всё вышеизложенное, мы можем сделать ряд выводов.

Во-первых, теория тоталитаризма, как и любая другая теория, имеет определённые границы применимости, что выражается в возможности интерпретации ряда проблем социума, исходя из определённых оснований. Главным образом, теория тоталитаризма применима к толкованию ключевой проблемы современности – проблемы свободы личности. Ведь именно современная социальная действительность, демонстрирует людям наличие неизбежного диссонанса между личностью и социумом. В свою очередь, это инициирует, вневременной и внепространственный поиск оснований свободы индивида. Теория тоталитаризма способствует, обоснованию или новой трактовке, демократических принципов, поиску путей снятия форм подчинения личности, сложившихся в условиях цифровизации общества. Однако переход к толкованию общего движения социально-исторического процесса, на базе теории тоталитаризма, представляется нам непродуктивным.

Во-вторых, непродуктивность теории, выражается в определённых методологических просчётах, что проявляется во время анализа движения социально-исторического процесса. К ним можно отнести вневременную абстрактность термина тоталитаризм, редуцирование социума к ярко выраженному политическому фактору, а также софистический характер теории, который обусловлен возведением в «абсолют» ценностно-идеологического фактора.

В-третьих, советское общество на протяжении всей истории его развития не правомерно

считать только тоталитарным образованием. Тем более, считать СССР аналогом фашистской Италии и нацистской Германии. Даже, несмотря на определенную схожесть некоторых черт, носящих формальный характер. По существу, эти общества и в формационном, и в цивилизационном отношении относятся к разным типам. В формальном отношении, схожесть обществ была обусловлена совпадением стоящих перед ними задач по выходу из кризиса. При этом сами кризисы были обусловлены абсолютно разными причинами. В случае Италии он (кризис) был связан с послевоенным разочарованием населения во властях, отсутствием порядка и экономическими проблемами. В случае Германии он был вызван мировым экономическим кризисом – Великой Депрессией, порожденной развитием всей капиталистической системы и реваншистскими настроениями, обусловленными проигрышем страны в Первой мировой войне. В случае Советского Союза – это был кризис перехода от традиционного, во многом аграрного общества к индустриальному, в сжатые временные сроки. Во всех случаях главным условием оказалось присутствие жёсткого контроля и управления, со стороны государства и правящей партии. Это обстоятельство и обусловило, формальную схожесть фашистской Италии, нацистской Германии и Советского Союза 1920-х – 1940-х годов.

Библиография

1. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
2. Гаджиев К.С. Тоталитаризм как феномен XX века // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 3-25.
3. Клименко Н.В., Седов В.В., Потапов И.И. Теории тоталитаризма: к вопросу об объективности // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. Т. 15. № 3. С. 5-14. DOI: 10.17072/2218-1067-2021-3-5-14.
4. Недошивин А.В. Переход к индустриализации как необходимый этап исторического развития СССР // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 2 (51). С. 56-61.
5. Орлов Б.С. Германия и СССР в 30-е годы: сходство и различия // Тоталитаризм как исторический феномен. М.: ФО СССР, 1989. С. 97-107.
6. Пономарев М.В. Роль Второй мировой войны в развитии идеологического пространства общества // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 4. С. 114-123. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-4-114-123.
7. Прокаччи Дж. История итальянцев. М.: Изд-во «Весь Мир», 2012. 592 с.
8. Сташис В.О. Тоталитаризм в современной социальной философии: К проблеме концептуального определения // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2020. № 2. С. 25-32.
9. Фистик А.С. Феномен тоталитаризма: методологический и сущностный дискурс // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14. № 4. С. 474-481. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-4-474-481.
10. Шульце Х. Краткая история Германии. М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. 256 с.
11. Ярцева О.Ю. «В поисках утерянного разума» // Тоталитаризм как исторический феномен. М.: ФО СССР, 1989. С. 40-71.
12. Friedrich C.J., Brzezinski Z.K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge: Harvard University Press, 1956. URL: <https://archive.org/details/totalitariandict0000carl> .

Theory of Totalitarianism as a Methodological Program and Ideological Construct

Elena D. Shetulova

Doctor of Philosophy, Professor,
Department of Methodology, History and Philosophy of Science,
Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev,
603950, 24, Minina str., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: shetulowa@yandex.ru

Marina V. Zaladina

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev,
603950, 24, Minina str., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: marina.zaladina@yandex.ru

Tat'yana V. Markova

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev,
603950, 24, Minina str., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: tat.markova2011@yandex.ru

Abstract

The article analyzes totalitarianism in historical and theoretical senses. In historical terms, the process of development of Italy, Germany and the Soviet Union as totalitarian states in the 1920s–1940s of the twentieth century is investigated. The features of a totalitarian society-state and their connection with the key problem of modernity — the problem of individual freedom — are revealed. In theoretical terms, the methodological foundations, boundaries of the theory of totalitarianism and the possibilities of its application to contemporary social and political reality are examined.

For citation

Shetulova E.D., Zaladina M.V., Markova T.V. (2026) Teoriya totalitarizma kak metodologicheskaya programma i ideologicheskii konstrukt [Theory of Totalitarianism as a Methodological Program and Ideological Construct]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 15 (1A), pp. 156-163. DOI: 10.34670/AR.2026.46.76.013

Keywords

Methodology of social research, ideology, totalitarianism, liberalism, fascism, communism, formation, state control, historical analysis.

References

1. Arendt, H. (1996). *Istoki totalitarizma* [The origins of totalitarianism]. Moscow: CenterCom Publ.
2. Fistik, A.S. (2017). Fenomen totalitarizma: metodologicheskii i sushchnostnyy diskurs [The phenomenon of totalitarianism: the discourse on methodology and essence]. *Observatoriya kul'tury*, 14(4), 474-481. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-4-474-481.
3. Friedrich, C.J., & Brzezinski, Z.K. (1956). *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge: Harvard University Press. <https://archive.org/details/totalitariandict0000carl>.
4. Gadzhiev, K.S. (1992). Totalitarizm kak fenomen XX veka [Totalitarianism as a phenomenon of the twentieth century]. *Voprosy filosofii*, 2, 3-25.
5. Klimenko, N.V., Sedov, V.V., & Potapov, I.I. (2021). Teorii totalitarizma: k voprosu ob'ektivnosti [Theories of totalitarianism: question of objectivity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 15(3), 5-14. DOI: 10.17072/2218-1067-2021-3-5-14.
6. Nedoshivin, A.V. (2017). Perekhod k industrializatsii kak neobhodimyy jetap istoricheskogo razvitiya SSSR [Transition to industrialization as necessary stage of USSR historical development]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura*, 2(51), 56-61.
7. Orlov, B.S. (1989). Germaniya i SSSR v 30-e gody: shodstvo i razlichija [Germany and the USSR in the 1930s:

-
- similarities and differences]. In A.A. Kara-Murza (Ed.), *Totalitarizm kak fenomen XX veka* (pp. 97-107). Moscow: Philosophical Society of the USSR.
8. Ponomarev, M.V. (2022). Rol' Vtoroj mirovoj vojny v razvitii ideologicheskogo prostranstva obshhestva [The role of world war II in the development of the ideological space society]. *Lokus: ljudi, obshhestvo, kul'tury, smysly*, 13(4), 114-123. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-4-114-123.
  9. Procacci, G. (2012). *Istorija ital'jancev* [History of the Italian people]. Moscow: Publishing House Ves' Mir.
  10. Schulze, H. (2004). *Kratkaja istorija Germanii* [A Brief History of Germany]. Moscow: Publishing House Ves' Mir.
  11. Stashis, V.O. (2020). Totalitarizm v sovremennoj social'noj filosofii: K probleme konceptual'nogo opredelenija [Totalitarianism in modern social philosophy: to the problem of conceptual definition]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Psihologija*, 2, 25-32.
  12. Yartseva, O.Yu. (1989). V poiskakh uteriannogo razuma [In Search of the Lost Mind]. In A.A. Kara-Murza (Ed.), *Totalitarizm kak fenomen XX veka* (pp. 40-71). Moscow: Philosophical Society of the USSR.